

М.К. Павлович (Москва)

МАСТЕРА ОРУЖЕЙНОГО ДЕЛА В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ В XVIII ВЕКЕ

Несмотря на то, что XVIII в. для кремлевских сокровищниц и мастерских нередко называют временем упадка, в древнем центре Москвы по-прежнему продолжали трудиться мастеровые люди – представители самых различных специальностей. В данной статье предпринята попытка проследить состав, положение и деятельность тех ремесленников, чья работа была так или иначе связана с производством, ремонтом или чисткой оружия, трудившихся в Оружейной палате на протяжении этого крайне интересного и неоднозначного периода российской истории. Основными источниками в исследовании проблемы стали журналы и протоколы заседаний присутствия Мастерской и Оружейной палаты, зафиксировавшие с максимальной точностью все основные направления деятельности этого учреждения с момента его образования в январе 1727 г. до начала 1830-х гг. Являясь одним комплексом документов, журналы и протоколы не дублируют, а дополняют друг друга. Так, в протоколы внесены лишь вопросы, рассматриваемые на заседании руководства – присутствия, а в журналах отражены буквально все текущие дела палаты, в том числе и не оформлявшиеся протоколами. Если одни источники дают довольно подробную информацию о важнейших событиях, то другие содержат краткие сведения, но по более широкому кругу вопросов¹. Для исследования деятельности мастеровых в 1700–1726 гг. использованы приходо-расходные книги денежной казны, а также ведомости-отчеты по расходованию денежных сумм².

Первая четверть XVIII в. по праву заслужила определение новоротного периода в русской истории. Борьба, начатая Петром I за выход России к Балтийскому морю и преобразование ее в развитую европейскую державу, потребовала от страны напряжения всех

сил и ресурсов, менялись структура государственного аппарата и профиль работы различных учреждений и ведомств. Не обошли преобразования и Оружейную палату, представлявшую собой производственный центр и оружейную казну. Находилась она в западной части Кремля, напротив Потешного дворца, «на улице, позднее именованной Дворцовой», занимая два верхних этажа в длинном каменном здании, обращенном фасадом к Кормовому и Хлебному дворам³. В 1700 г. по монаршей воле в ее состав вошли Золотая и Серебряная палаты. До 1708 г. в Палате осуществлялись руководство Серебряным рядом Москвы и надзор за клеймением золотых и серебряных изделий. В 1701–1706 гг. при ней же состояла и «Школа математических и навигацких наук», располагавшаяся в Сухаревой башне. Традиционным оставалось только изготовление знамен, оружия и амуниции. Приходо-расходные книги 1700–1710 гг. буквально нестроят записями о финансировании этих работ. Например, в декабре 1703 г. «на дело» 200 лядунок в бомбардирскую роту закупались различные припасы, в 1702–1709 гг. постоянно производились выплаты за ремонт и изготовление ружей, фузей, мортир, тут же делались пряжки для ремней, эфесы для шпаг и сабель и даже пуговицы. Как свидетельствуют документы, припасы на золочение всех этих предметов приобретались золотарем Григорием Константиновым. Следует отметить, что в учреждении тогда трудились мастера оружейного дела следующих специальностей: ствольники – 7 человек, замочники – 8, станочники – 5, сабельные придельщики – 2 человека. Кроме этого, в штат входили еще кузнецы-отдельщики и чернодельцы, также нередко привлекавшиеся к починке и чистке оружия. Большинство из них получали по 4 рубля в год, и только двое, ствольник и замочник, имели соответственно 130 и 70 рублей в год. Несмотря на довольно обширный штат мастеровых, объем производимых работ был столь значителен, что, кроме своих оружейников различных специальностей, к работе в Палату привлекались и тульские казенные кузнецы-чернодельцы⁴.

Необходимо добавить, что в Оружейной палате производился также ремонт трофейного шведского оружия и артиллерии. Направлялись в кремлевские мастерские на работу и сами шведы «свейские полоняники», среди которых было немало квалифицированных ремесленников. Изготовленные или исправленные предметы направлялись непосредственно в полки. Иногда ма-

стеровые Палаты и сами командировались в армию. Так, в 1703 г. 7 человек были отправлены в Шлиссельбург для исправления оружия⁵. О большой роли, отводившейся монархом древней сокровищнице, свидетельствует и тот факт, что руководство ею осуществляли видные государственные деятели, в том числе и князь Матвей Петрович Гагарин, одно время являвшийся комендантом Москвы, а затем назначенный губернатором Сибири.

Однако столь активная в начале столетия деятельность Оружейной палаты в 1710-х гг. постепенно замирает. Строительство новой, Северной столицы требовало колоссальных денежных затрат и людских ресурсов. Возведение общественных зданий, императорских дворцов, дворянских особняков, переезд двора в быстро растущий город на Неве и постоянная потребность петербургской знати в предметах роскоши делали необходимым появление там высококвалифицированных мастеров различных специальностей, в том числе и оружейников. И конечно, их приток осуществлялся в первую очередь из Москвы. Как отмечал Г.М. Малицкий: «в 1711 г. основные кадры оружейников и живописцев были отправлены в Петербург, чем предопределена была утрата палатой ее бывшего производственного значения». Продолжались отправки мастеров и в последующие годы, в частности, в 1712 г. туда вновь «перевезено было 36 человек». В результате этих действий в 1716–1721 гг. в Палате только 7 человек имели отношение к производству оружия, в том числе 1 мастер ствольного дела и 4 мастера замочного дела⁶.

В январе 1727 г. по воле императрицы Екатерины I четыре древних кремлевских сокровищницы и мастерские – Оружейная палата, Казенный приказ, Мастерская палата и Конюшенная казна были объединены в единую Мастерскую и Оружейную палату, которую возглавил полковник Василий Юрьевич Одоевский, отличившийся в годы Северной войны под Нарвой. После этого количество работников во всех четырех ранее самостоятельных учреждениях значительно уменьшилось. Прежде всего, были сокращены дворцовые должности, однако изменилась и численность мастеровых людей. Всего в 1727–1734 гг. в учреждении служило 96 штатных ремесленников, сторожей и истопников, 55 неокладных работников, которые «бывают временем по призыву... у дела золотых и алмазных вещей и ружей, ...столярного дела и просушки предметов из ткани», а всего 151 человек⁷. В списке работников,

утвержденном 26 июля 1734 г., мы находим штатных мастеров: оружейного ствольного дела – 4, замочного дела – 1, и неокладных: оружейного ствольного – 2, замочного – 2, ружейного станочного – 6 человек. Кроме того, «за штатом» находились также и кузнецы-издельщики 13 человек и кузнецы-черподельцы – 8, железного пильного дела – 10 человек, также привлекавшихся к ремонту и сушке оружия⁸. Дальнейшее сокращение мастеров произошло в 1749 г., когда их общее количество по сравнению с 1734 г. сократилось на 52 человека, причем все неокладные мастера были уволены. Из работников, относящихся к оружейному делу, остались булатных дел – 2, ствольного – 2, замочного – 3, станочного или ложного – 3, слесарей-отдельщиков – 4, пильного дела – 1 и кузнецов-черподельцев – 3 человека⁹.

Сокращение мастеровых продолжается и во второй половине столетия. К 1781 г. их количество ушло до 42 человек. Однако такого числа работников оказалось уже недостаточно для нормальной деятельности учреждения. Именно поэтому руководством Мастерской и Оружейной палаты вскоре было решено «...изтребовать из Тульского наместничества в том числе <...> к поправлению, чистке и починке ружей и оружейных вещей ствольного, станочного или ложного дела, для чистки булатных вещей и паводки тонких узоров намотчиков по 2 человека», а также «замочного, слесаря или отдельщика <...> да одного для случающихся железных поделок кузнеца...», часть мастеров предполагалось привлечь в Палату из «господских домов» в Москве¹⁰. Стоит упомянуть, что именно в 1780-х гг. производился значительный набор ремесленников из бывших крепостных. В 1784 г. в Палате работало также 42 человека, а в 1790-х гг. их оставалось всего 37¹¹. В штатном расписании 1801 г. все мастера были разделены на специалистов первой, второй и третьей статьи, а их годовые оклады соответственно колебались от 9 до 6 рублей¹².

Окончательный приговор производственно-реставрационной деятельности Мастерской и Оружейной палаты вынес указ Александра I от 10 марта 1806 г., от которого и ведется новое, музейное летоисчисление Палаты. Согласно этому законодательному акту, в штатном расписании вместо мастеровых мы находим 15 служителей первой и второй статьи, а ремесленникам различных специальностей предписывалось «к избранию рода жизни состоянию их приличного дать свидетельства»¹³.

Несмотря на почти полное прекращение в Палате со второй четверти XVIII в. производства новых изделий, выполняемые работы требовали знающих, высококвалифицированных специалистов. При приеме на службу требовалось неременное ручательство со стороны штатных работников, причем имеется немало фактов, свидетельствующих о том, что такое ручательство не было формальным. Например, сын кузнеца Мастерской и Оружейной палаты Герасима Денисова Борис Герасимов был принят в учреждение лишь после освидетельствования его старостой ружейного дела Василием Максимовым, поручившимся, что «тот слесарному мастерству и медному отличному мастерству искусен»¹⁴. Имела место и подготовка кадров из числа детей работников. Периодически у мастеров собирали сведения о количестве детей мужского пола и о том, к каким службам те определены. Брли с них и подписку с обязательством не отдавать сыновей в обучение без ведома руководства Палаты¹⁵.

Необходимо отметить, что на протяжении всего рассматриваемого нами периода существовала преемственность кадров, нередко сыновей принимали на места и оклады отцов. Бывали случаи, когда в учреждении трудились представители двух и даже трех поколений ремесленников. Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров. Так, в 1730–1770-х гг. в Палате служила целая династия Котюревых – станочник Мартыш Котюрев, его сыновья Иван, Михаил и Василий, брат Мартына Михаил и сыновья Ивана Мартынова сына Котюрева Артамон и Иван Котюревы¹⁶. В середине – второй половине столетия мы находим сведения о работе мастеров Марачевых – Андрея Марачева, его сына Василия, а также их родственников Михаила и Ивана Марачевых¹⁷. Подобных фактов можно привести еще немало. Имели место и случаи определения учеников к наиболее опытным и знающим мастерам. Однако во второй половине XVIII столетия они были крайне редки, и в этот период уже 10 мастеров обучали своих сыновей за пределами учреждения, что позволяет говорить о том, что подготовка кадров носила характер эпизодический, разовый, а не являлась налаженной системой.

Помимо хорошего профессионального уровня, к работникам предъявлялись и иные требования: исполнительность, честность, приличное поведение, то есть, говоря словами документов того времени, мастера и служащие должны были быть «доброто

состояния». Хотя пьянство не обошло и Мастерскую и Оружейную палату, меры борьбы с ним отличались редкостной простотой и эффективностью. Не один мастер и канцелярский служащий был бит батогами или розгами «за пьянство безмерное» при собрании остальных работников¹⁸. Если это не помогало, провинившегося увольняли или отдавали в солдаты, но обычно воспитательное воздействие оказывалось собственными силами и было вполне достаточным.

Помимо обязанностей, мастерские Палаты имели и некоторые привилегии, в том числе свободу от обременительных постоев и полицейских служб. Иногда мастерские Палаты наделялись по их просьбам небольшими земельными наделами внутри Кремля или в непосредственной близости от него. Одиноким работникам, уволившимся по возрасту или по состоянию здоровья, направлялись в дворцовую богадельню по ходатайству руководства. Так, в первой половине XVIII в. туда были направлены станочники Ефим Сафонов и Степан Петров и другие¹⁹. Судя по документам, наиболее частыми заболеваниями в то время были чахотка, слепота, паралич и ревматизм. Случаи направления работников на излечение крайне редки. Тем не менее, имеются сведения об осмотре в Медицинской конторе станочного дела мастера Василия Мартынова сына Котюрева в мае 1749 г., жаловавшегося, что у него «в правой руке ломота». Котюрев, ссылаясь на болезнь, хотел уволиться из Палаты для определения дьячком в одну из московских церквей, так как знал грамоту. После медицинского осмотра его ходатайство было удовлетворено²⁰. С 1771 г. в штате Мастерской и Оружейной палаты появился свой лекарь. Как правило, лекарями были иностранцы²¹.

Многочисленны сведения о прибавке денежного жалованья хорошим мастерам, в большинстве случаев производившейся за счет так называемых «убылых» окладов. Так, 15 ноября 1731 г. мастеру Василию Якимову «за многую его алмазную работу... и резьбы камней в короны и в... ружейные уборы» было определено дополнительно к прежнему жалованью 12 рублей в год²².

Деятельность мастеровых людей Мастерской и Оружейной палаты сводилась преимущественно к чистке, ремонту и более сложной реставрации ценных предметов. Наиболее полно представлена в дошедших до нас источниках работа по починке и чистке холодного и огнестрельного оружия, хранившегося в сокровищнице

в значительном количестве. Как указывалось выше, наряду с оружейниками - мастерами станочного, ствольного и замочного дела к этой работе привлекались и мастерские люди ряда других специальностей - столяры, кузнецы и т.д. Особенно активно ремонт и чистка оружия проводились в конце 1720 - начале 1730 гг. Из документов известно о производившейся с конца октября 1727 по май 1728 г. починке и чистке ружей и шпаг, когда для выполнения наиболее ответственной и трудоемкой работы из Берг-коллегии был возвращен в Палату шпажный мастер Петр Никитин. Всего для выполнения этих работ были привлечены 32 оружейника, получавших по 4 копейки в день²³. В январе следующего года на Оружейном дворе силами 10 кузнецов и слесарей происходила разборка стволов и шпаг. С 15 июля по 15 августа 1732 г. 35 мастеров под началом ружейного старосты Андрея Кобелева вычистили и починили 830 карабинов, 40 фузей, 187 пищалей, 594 пистолета, 26 винтовок, 18 дробовиков, 1 нож с черном, 2 зеркала, отделанных янтарем и хрусталем, и выдвигающей ящичек - всего 1873 предмета²⁴. О продолжении этих работ в следующем году свидетельствует протокол заседания Палаты от 30 апреля 1733 г. о выдаче 45 мастерам оружейного дела денег за срочный ремонт оружия. Тогда же Осинном Васильевым из Садовой слободы были выполнены более сложные работы - к сабельной полосе он приделал «черен ящуровый» и выложил медью ножны, а всего «за делание пяти ножен и сабельного черепа» он получил 70 копеек²⁵.

Существенные работы по ремонту и чистке оружия производились в 1734 г. Тогда мастерами было вычищено и исправлено «стволов стражного железа 173, фузей на стволе парезка серебряная, станок с медною оправою золочен один, 100 щитов с рещьями медными, лат разных калибров 74, парамок и наколенков и наручей счетом 55 мест, шапок и сапогов малеванных разных 33, всего 515 мест». К 7 августа того же года в Большой казне Оружейной палаты ружья и ружейные уборы были вычищены и исправлены в количестве 1066 предметов, а с 28 августа по 20 сентября 34 человека под началом ружейного старосты Василия Максимова работали «у чистки ружья»²⁶.

Среди обилия сведений о деятельности мастеров оружейного дела Палаты практически нет упоминаний о производстве новых изделий. В этой связи представляет интерес журнальная записка от 23 октября 1738 г. о пронаже лат, изготовленных сторожем Палаты

Иваном Плетюхиным. Как видно из документа, указом императрицы Анны Иоанновны 21 января 1731 г. генералу и кавалеру графу П.И. Ягужинскому из Оружейной палаты были выданы воропешные латы, а 19 апреля 1732 г. к нему же в дом был отпущен Иван Плетюхин «для дела лат», которые были им сделаны и отданы Ягужинскому. Однако к 1738 г. хозяин особняка сменился, и на запрос Главного судьи Палаты о пропавших латах новый владелец дома лейб-гвардии поручик М.И. Шеховской отвечал, что у него их нет. Вероятно, пропаша так и не была обнаружена, так как упоминания о ее возвращении в Палату нет. Но интересен сам факт изготовления новых предметов. Заслуживает внимания и то, что казенный сторож Иван Плетюхин, получавший за свою службу 7 рублей 16 копеек с одной восьмой и по четыре четверти и семь четвериков с одной третью ржи и овса в год, знал несколько ремесел — слесарное, которому брался обучать учеников, правда, получив задаток, его пропил и прекратил обучение, однако не был уволен; кузнечное, так как 8 марта 1750 г. по его просьбе был отпущен на приработок в Новый Иерусалим в Воскресенский монастырь для работ в качестве кузнеца, и оружейное²⁷.

Сведения о работах по исправлению оружия в 1735 - 1745 гг. нами не обнаружены. Возможно, это объясняется привлечением мастеров к разбору вещей, пострадавших во время пожара в Кремле 29 мая 1737 г., затянувшимся на несколько лет. Однако с 1746 г. ремонт и чистка оружия возобновились, правда, уже не мастерами Палаты. Так, «комнанийцам Андрею Семенову, Михаилу Гусятникову и фабриканту Афанасью Гребенникову» было поручено вычистить и исправить кольчуги и панцири, а 31 марта 1747 г. вычищенные и отремонтированные вещи были доставлены на прежние места, причем господа присутствующие и надзиратель Палаты «их осмотра, приняли, и дали в том квитанцию»²⁸.

Большие работы по ремонту оружейных уборов и оружия производились в 1747 г. Об их срочности свидетельствует то, что для их выполнения были привлечены мастера различных специальностей и квалификации, в том числе и довольно высокой (серебряник чеканных дел мастер Михаил Пантелеев). Всего в них были задействованы 22 человека, к которым вскоре направили еще 13 мастеров²⁹.

Затем в ремонтно-реставрационной деятельности опять наступило затишье, продолжавшееся практически до декабря 1762 г.

С этого периода до конца 1771 г. чистка и ремонт оружия и других изделий происходили практически без перерыва. В эти годы слесарями, кузнецами, станочниками и мастерами других специальностей были вычищены и исправлены ружья с принадлежностями к ним уборами, пищали, холодное оружие, предметы доспеха — латы, шлемы и в том числе и пострадавшие от пожара 1737 г. В августе 1763 г. на эти цели было ассигновано 150 рублей, а для присмотра за работниками были присланы два обер-офицера. В апреле 1766 г. 15 человек во главе с Дмитрием Кобелевым получили заработанные 20 рублей 25 копеек, из расчета 5 копеек в день. В 1771 г. к ассигнованной ранее на эти цели сумме были прибавлены дополнительные средства³⁰. Возможно, это объясняется значительными работами, проводившимися в середине 1760 — начале 1770 гг. по обустройству помещений храпилиц и приданию им экспозиционного вида³¹.

В 1782 г. в казенной Оружейной палате, расположенной в Кремлевском дворце, вверху проводилась чистка хранившихся там чепраков с седлами, лат и кольчуг, а в 1797 — 1798 гг., очевидно, в связи с подготовкой к коронации императора Павла I, вновь проводилась чистка и реставрация оружия как огнестрельного, так и холодного, а также конюшенных уборов. В августе 1800 г. за перечистку ружей, карабинов и других предметов слесарям Палаты было уплачено каждому по 1 рублю 50 копеек за 10 дней работы из расчета 15 копеек в день вместо прежних 4 копеек³². Позднее эта деятельность возобновилась с назначением П.С. Валуева начальником Мастерской и Оружейной палаты. В то время проводилась чистка вещей в Мастерской за золотой решеткой палате, а в декабре 1806 г. в «Московских ведомостях» было опубликовано приглашение на проведение чистки оружия за предельно сжатые сроки³³. Однако эти события уже выходят за хронологические рамки нашего исследования.

Помимо многочисленных свидетельств о работе мастеров-оружейников в Московском Кремле, в документах имеется немало фактов о привлечении их к ремонту вещей в другие учреждения. В 1727 г. неокладные мастера-оружейники были отправлены для ремонта полевой артиллерии и оружия в контору Главной артиллерии и фортификации, в 1735 г. для починки ружей в Московском арсенале были привлечены 17 кузнецов и отделщиков вместе с ружейным старостой Василием Михайловым. В 1737 г. те же

мастера были вновь затребованы в Артиллерийскую контору «для починки ружья и слесарных работ»³⁴. Ко второй половине XVIII в. относится лишь одно упоминание об отправке мастеров оружейного дела из Палаты. В августе 1757 г. в Обер-егермейстерскую канцелярию был запрошен сын сторожа Палаты Ивана Котюрева для выполнения «...по чекапным образцам серебряных и медных приборов» для огнестрельного оружия. Руководством Палаты было решено, так как «приказного сторожа Ивана Котюрева сын Артамон 22-х лет... делает к ружьям ложи и отливные оправы медные, а в чин никакой не определен и жалования никакого ему не учинено», отправить его в Санкт-Петербург³⁵.

Подведем некоторые итоги. Несмотря на значительное сокращение и отправку многих мастеровых людей в Санкт-Петербург, в Палате продолжали работать оружейники различных специальностей. Однако на протяжении всего XVIII в. шел постоянный процесс сокращения мастеровых людей. Сначала были уволены неокладные работники, затем все большее количество штатных специалистов. В 1806 г. они были заменены служителями. Тем не менее, на протяжении всего рассматриваемого периода существовали строгие критерии отбора при приеме на службу, в учреждении была развита преемственность поколений, особенно у оружейников и кузнецов. Мастерские люди имели определенные льготы: были освобождены от полицейских служб и постоев. Если в первой половине столетия ремесленники неоднократно направлялись на работу в другие учреждения, то постепенно сокращение кадров привело к тому, что с 1750-х гг. в Палату нередко были вынуждены приглашать мастеров со стороны для выполнения срочных значительных работ по чистке и ремонту оружия. Таким образом, мы можем говорить об активной производственной деятельности мастеров оружейного дела в 1700–1710 гг., в 1710–1750 гг. уже наблюдаем сокращение работников и постепенную замену производства оружия его ремонтом и реставрацией, а во второй половине столетия на фоне продолжающегося уменьшения всего штата Палаты происходит постепенное свертывание и ремонтно-реставрационной деятельности этого учреждения.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1344–1422.

² Там же. Оп. 2. Д. 974–1016.

³ Малицкий Г.М. К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 536.

⁴ См., например: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 284, 617, 241; Д. 989. Л. 440–440 об., 328, 33; Д. 986, 987, 988. Об истории Оружейной палаты первой четверти XVIII в. подробнее см.: Павлович М.К. Кремлевские сокровищницы при Петре I // Петр Великий и Москва. Каталог выставки. М., 1998. С. 113–115; Павлович М.К. Оружейная палата и правители Российской империи в XVIII столетии // Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006. С. 13–21.

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 295 об.

⁶ См.: Малицкий Г.М. Указ. соч. С. 538–539.

⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1659. Л. 5 об.

⁸ Там же. Д. 1354. Л. 74–75 об.

⁹ Там же. Д. 1365. Л. 202–205; 288–295.

¹⁰ Там же. Д. 1397. Л. 15 об. 168.

¹¹ Там же. Д. 1400. Л. 183–184; Д. 1404. Л. 188 об. 189; Д. 1410. Л. 164; Д. 1415. Л. 207–207 об.

¹² Там же. Д. 1417. Л. 263–270.

¹³ Там же. Д. 1422. Л. 120, 225–225 об. Штат Мастерской и Оружейной палаты. 10.03.1806 // ПСЗ. Т. XLIX. № 22054. Ч. II. С. 62.

¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1357. Л. 149.

¹⁵ Там же. Д. 1354. Л. 75 об.; Д. 1360. Л. 273–273 об.

¹⁶ См.: Приложение к диссертации Павлович М.К. Оружейная палата XVIII в. — учреждение, мастерская, музей. М., 1991. ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 27. Оп. «П». Д. 6. Л. 70–71.

¹⁷ Там же. Л. 73.

¹⁸ См., например: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1363. Л. 172–172 об.

¹⁹ См., например: там же. Д. 1355. Л. 301; Д. 1356. Л. 48–48 об., 70.

²⁰ Там же. Д. 1365. Л. 260–260 об.

²¹ См., например: там же. Д. 1387. Л. 24 об.; Д. 1417. Л. 270.

²² Там же. Д. 1351. Л. 158.

²³ Там же. Д. 1345. Л. 145–145 об.; Д. 1346. Л. 64 об.

²⁴ Там же. Д. 1347. Л. 16; Д. 1351. Л. 286.

²⁵ Там же. Д. 1352. Л. 49–49 об. Л. 96.

²⁶ Там же. Д. 1354. Л. 261–261 об., 75–75 об., 100–100 об.

²⁷ Там же. Д. 1356. Л. 178–178 об.; Д. 1366. Л. 74–74 об.; Д. 1374. Л. 14 об.

²⁸ Там же. Д. 1363. Л. 62 об.–63.

²⁹ Там же. Д. 1356. Л. 178–178 об.

³⁰ Там же. Д. 1379. Л. 17, 19, 237, 13 об. 242; Д. 1378. Л. 28 об., 15 об., 198; Д. 1380. Л. 8, 182; Д. 1381. Л. 1 об., 14 об., 3 об.; Д. 1384. Л. 26 об.; Д. 1385. Л. 200 об.; Д. 1387. Л. 8, 18; Д. 1379. Л. 15; Д. 1387. Л. 8.

³¹ Подробнее об этом см.: Павлович М.К. К истории музея «Оружейная палата» в XVII веке // Проблемы научения памятников духовной и материальной культуры. М., 1992. Вып. 1. С. 34–36.

³² См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1398. Л. 104 об.; Д. 1413. Л. 9 об., 10; Д. 1414. Л. 8; Д. 1416. Л. 142–143.

³³ Там же. Д. 1421. Л. 238, 315.

³⁴ Там же. Д. 1355. Л. 182–182 об.; Д. 1348.

³⁵ Там же. Д. 1373. Л. 173 об.–174.